

Давайте будем реалистами...

Настоящая лекция философа Сергея Борисова посвящена двум важным разделам философии — онтологии и феноменологии, поскольку философствование даже на бытовом личностном уровне должно опираться на базовые понятия философии как научной дисциплины.

Начинать разговор об онтологии следует, как это не покажется странным на первый взгляд, не с того, что нас окружает, а с того, что мы чувствуем. В принципе то, что мы чувствуем, что дано нам умопостигаемо, оно, так или иначе, тоже относится к внешнему миру, но по-особому. Ибо феномены своего внутреннего мира мы сознаем гораздо более отчетливо, нежели то, что окружает нас вокруг.

В философии принято под термином «бытие» подразумевать некое основание, которое позволяет всем предметам возникать и исчезать, всему меняться, но при этом в самом изменении и хаосе не терять самого главного. Остается какая-то структура, основа.

Подразумевая, что мы живем в бесконечном мире, пронизанном процессами изменений, которые происходят и внутри нас и вовне, мы все-таки уверены, что, несмотря на изменения, все основано на определенных и понятных нам закономерностях. Благодаря им, мы

в состоянии планировать, что будет с нами завтра, хотя этот вопрос очень сложный. В свое время Дэвид Юм, поднимая его в «Опытах о человеческом разумении», пришел к выводу: все, что мы знаем об окружающем мире, все, что мы в состоянии спрогнозировать или провести причинную связь в этом — практически к этому окружающему миру относится весьма опосредовано. Это следствие наших привычек, то, что Юм называл естественной религией. Ну, например, взойдет завтра солнце или нет?

Хотя мы, конечно, уверены (ну, или в глубине души надеемся), что восход солнца завтра утром произойдет, какого-то достаточно разумного обоснования этому мы дать не можем, потому что закономерно попадем в связанные с этим определенные логические ловушки. Мы можем опираться только на прошлый опыт — но, в свою очередь, он не может быть гарантом того, что в будущем произойдет все как встарь.

Жан Огюст Доминик Энгр

(фр. Jean Auguste Dominique Ingres; 1780–1867) — французский художник, общепризнанный лидер европейского академизма.

Жан Огюст Доминик Энгр. «Полуфигура купальщицы»,

Эрнст Людвиг Кирхнер

(нем. Ernst Ludwig Kirchner; 1880–1938) — немецкий художник, представитель немецкого экспрессионизма.

Эрнст Людвиг Кирхнер. «Обнаженная женщина в шляпе»

Жан Огюст Доминик Энгр. «Турецкая баня», 1862-63

Во-вторых, даже выдвигая с некоторым опережением прогнозирующую теорию, что те или иные события случаются с какой-то периодичностью, мы все равно ищем подтверждения или опровержения из данных опыта и эксперимента. Так можно столкнуться с проблемой регресса основания. Как же мы остановим эту цепочку обоснований и установим критерий достаточности?

К примеру, ребенок может спрашивать до бесконечности: почему-почему-почему? Пока рано или поздно кто-нибудь из взрослых, отмахнувшись от вопроса, скажет знаменитое: «По кочану!..» То есть тем самым насильственным, волевым образом будет установлен критерий достаточности. В принципе — да, ребенок удовлетворяется — хотя это не означает, что на все его вопросы получены ответы. Он просто начинает понимать, что есть вопросы правильные, а есть вопросы неправильные, «непривычные», которые вызывают (например, у взрослых) какую-то неадекватную реакцию. Эти двойные стандарты усваиваются им, прививаются еще и в школе — и его исследовательский опыт не выходит на границы того, что можно назвать обыденным практическим познанием. Это познание с весьма узкими горизонтами, где все представляется разумным, обоснованным и прогнозируемым... До поры, до времени.

Вот существует такое выражение: «мир вокруг нас», «окружающий мир». Однако, подумаем, действительно ли нас окружает окружающий мир? Когда мы говорим, что предметы, которые находятся вокруг нас, свидетельствуют о наличии некоторой реальности — мы, прежде всего, подразумеваем некий акт восприятия. Они даны в нашем восприятии, и существуют в этом восприятии

не сами по себе — а как феномены нашего сознания. Отсюда и берет свое начало «феноменология». То есть мир, по большому счету, это то, что нами воспринимается. Это феномены нашего сознания, которые упорядочиваются, структурируются, и благодаря им выстраивается то, что мы называем «картиной мира». Это и является главным свидетельством того, что мы находимся в реальности. Но всегда открытым остается вопрос о том, что за пределами этой картины — и действительно ли картина мира исчерпывает то, что мы называем реальностью?

Эрнст Людвиг Кирхнер. «Купальщицы в комнате»

Чтобы ответить на этот вопрос, мы обращаемся к себе. Если мир это феномен нашего сознания — и познать мы можем только определенного рода феноменологические акты, связанные с работой сознания — то для чего же люди пытаются этот призрачный, зыбкий мир увековечить? Для чего они стараются его «прибить гвоздями» к какому-то материальному предмету, образованию, притом утверждая, что мир якобы существует сам по себе? Так возникает парадокс удвоения реальности, который всячески пытаются разоблачить феноменологи...

Со студентами часто я веду подобного рода спор — когда речь заходит о реальности, все рано или поздно вспоминают тот самый пресловутый «философский стол» — мол, что это та реальность, от которой мы и пляшем. А я говорю: «Стол, который вы воспринимаете — это не тот стол, который воспринимаю я. Вы его видите под определенным углом зрения, ну а какие-то элементы мебели вам не видны, вы их домысливаете. Кроме того, стол настолько огромный, а ваши органы восприятия такие маленькие. Тем не менее, он вместе со всей обстановкой комнаты прекрасно вписывается в вашу общую картину восприятия мира». Почему это происходит? Потому, что это определенного рода работа сознания, осознания. Но что существует «на самом деле»?

Жан Огюст Доминик Энгр. «Портрет графини Луизы д'Оссонвиль», 1842-1845

Стол?! Видимо, все умрут — а этот стол останется в написание потомкам, с некоторой укоризной намекая, что есть некая реальность, помимо нашего сознания.

Возникает вопрос: почему люди так цепляются за материальное? И почему основы бытийные они ищут не в себе, а где-то во вне? Вот ответ, который дает феноменология: удвоение реальности связано с тем, что наши обыденные мировоззренческие представления, во многом сформированы наукой, которая так или иначе объективирует, выражает в какой-то форме, числе, пропорции те или иные представления о мире. Она дает какие-то четкие критерии, проверки нашего опыта на истинность. И, опираясь на эти критерии, мы можем наладить порядок в том, что окружает нас. В принципе, этого достаточно — и, живя в этом порядке и ставя перед собой повседневные цели и задачи, мы и не пытаемся заглянуть глубже простой «видимости и кажимости» мира.

Но чем опасна эта позиция, чем это чревато? Тем, что рано или поздно эти представления застынут в тех или иных догматических посылках. Отрываясь от реальности, мы плодим множество фикций, которые закрепляются в нашем сознании и их становится все больше и больше. К примеру, к XVIII веку назрела так называемая проблема материальности того, что существует на самом деле. Например, если мы говорим о вещи самой по себе — то она не обладает ни цветом, ни запахом, ни вкусом, поскольку цвет-запах-вкус не объективные свойства вещи — это то, что «добавляет» к вещам наше восприятие. Например, философ Джон Локк в своей блестящей концепции все доходчиво разложил по полочкам. По его мысли очень важно, чтобы не впасть в заблуждение, научиться различать первичную и вторичную реальности.

На основе чего мы осуществляем деление первичных и вторичных качеств вещи? На основе чего мы утверж-

Эрнст Людвиг Кирхнер. «Марселла», 1909

даем, что одни свойства свидетельствуют о том, что существует на самом деле, а иное — является свойством нашего восприятия? К примеру, если мы находимся в каком-то обогреваемом помещении и говорим, что «здесь тепло, потому, что нагретые предметы излучают тепло, обладают этим свойством». Говорим ли мы только о свойстве своего восприятия — либо об объективном свойстве нагретых предметов? Здесь физики могут вступить и сказать: «Ну, вы, философы, все запутываете — «тепло» это не то, что нам кажется, что мы «представляем». А фактически тепло обязательно имеет какую-то структуру, такую-то природу и так далее...»

Опять-таки: познание этой структуры и природы как нам дано? Опосредованно, то есть через наше восприятие. Следовательно, говорить о его природе и структуре самой по себе — это впасть в заблуждение. И на основе этого философ Джордж Беркли формулирует блестящий тезис: «Быть — это значит восприниматься». Его максима — по сути дела породило то, что впоследствии было названо феноменологией. «Быть значит восприниматься!» И тут же представляется образ Николеньки из произведения Льва Толстого «Отрочество», который осознал, что «если мир это наше восприятие — то есть, видимо, какой-то загадочный мир сам по себе». И периодически Николенька резко оборачивался назад, чтобы застать зияющую пустоту и определить, что же представляет собой мир без нашего восприятия...

«Быть» — «восприниматься». Если происходит нечто, какое-либо действие — мы будем говорить лишь о свойствах своего восприятия — и ни о чем больше. В таком

Жан Огюст Доминик Энгр. «Антиох и Стратоник (1840)

случае существование материи как таковой по мысли Джорджа Беркли невозможно. Материя — это абстракция, реально же существуют только феномены нашего восприятия. Но тогда возникает вопрос: почему же в этом феноменальном мире мы имеем очень много моментов сходства — почему наше восприятие совпадает с восприятием других людей, почему у нас одинаковые представления о мире, общий опыт?

Опять-таки, Джордж Беркли не видел в этом проблемы: «Если мир это свойство восприятия, то сфера общности находится только в области сознания». У нас общее сознание. И тогда существование материи никак не оправдано и не обосновано: это просто некий вспомогательный мыслительный конструкт. Точнее, по мысли Беркли, у нас не то, что «общее сознание», мы просто «части единого сознания Бога». И поскольку мы части этого единого сознания — у нас схожая картина мира. Вот пример работы феноменолога: отсечение лишних сущностей.

Понятно, что на студентов это производит несколько шокирующее впечатление. И как-то один из студентов в пору популярности фильма «Матрица» именно в этом контексте и прокомментировал Джорджа Беркли. Мол, это «первый философ, который выдвинул идею «матрицы». Но при всей фантастичности этой идеи — она не так уж далека от истины. Повторяю: ничего, кроме феноменальной реальности нам не дано. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы представить, что мир и все предметы концентрируются вокруг нашего сознания и обретают структуру и порядок только в сфере нашего сознания.

Все зависит от того, насколько логично, последовательно, доказательно мы ведем свой путь, насколько мы на этом пути внимательны, насколько идем до конца, не измышляя на полпути различных сущностей, которые якобы могут объяснить какие-то явления. Если существуют какие-то непонятные явления, если мы не до конца способны проникнуть в свое сознание, суще-

ствуют какие-то преграды — было бы ошибочно эти преграды объективировать. И еще говорить, что «на нашем пути стоит некая вещь, некая непреодолимая стена»... Парадокс стены в этом плане очень примечателен. Суть его проста: идет человек, намечает какие-то цели перед собой, ему представляется какая-то реальность впереди — но вдруг на его пути вырастает стена. Необозримая, непреодолимая...

Что делать, как себя вести? Можно попытаться как-то эту стену преодолеть. Но человек видит, что это сложно — ведь стена необъятная, высокая... Можно идти направо, идти налево, тут уже и муки выбора дают о себе знать. Допустим, пошел человек направо, а стена все длится и длится. Тут уж он заметался: «Может, нужно было идти в другую сторону?» Студенты часто предлагают или произвести подкоп, или вообще не связываться с этой стеной и повернуть обратно. Но, повернув обратно, человек будет прекрасно знать, что есть где-то «стена» — и она все равно, рано или поздно, его настигнет. Да, он может сделать вид, что ничего не произошло. Но от осознания этого ему не уйти. Нужно с ней что-то делать. Выхода из этой ситуации, кажется, нет. Но в понимании тех, кто этот парадокс создал, он есть. И этот выход чисто феноменологический: нужно понять, что эту стену, как и все вокруг, создали мы сами. И чем больше мы встречаем препятствий на пути ее преодоления, тем больше укрепляется эта стена. Единственным способом преодоления любой стены является прохождение ее насквозь. Пройти любую ситуацию насквозь. Промыслить ее. Понять ее. Включить ее в пространство своего жизненного мира.

Причем, это я говорю не про какие-то воображаемые стены, душевные преграды — речь также идет о той реальности, о том мире, который окружает нас. Я считаю, что чем больше мы об этом будем думать — тем больше впоследствии мы откроем для себя возможностей вы-

Эрнст Людвиг Кирхнер. «Bergatelier» (студия в горах), 1937

Жан Огюст Доминик Энгр. «Большая одалиска», 1814

хода, преодоления тех трудностей и барьеров, которые мы считаем объективными. Здесь феноменология представляется дисциплиной, которая «выносит за скобки», по знаменитому выражению Эдмунда Гуссерля, реальность сама по себе. «Реальность сама по себе» — это продукт нашего убеждения, нашей слепой веры, об этом неинтересно спорить. Это нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Давайте заниматься только тем, что нам подвластно, давайте исследовать многообразие феноменов нашего сознания. И тогда мы увидим, насколько реальность богата и многообразна в своем содержании, насколько она глубока. Но это нам открывает лишь погружение в наш внутренний мир. Причем, данное погружение мы должны совершать очень осторожно, выверяя каждый шаг. Потому что на пути этого погружения мы встретимся с массой условностей: ведь наше восприятие — зрительное, слуховое — уже нагружены определенным мировоззрением, теорией, определенными предрассудками, то есть всем тем, что предшествует нашему суждению. И мы этого часто не замечаем.

Впервые классификацию подобного рода гносеологических барьеров, которые стоят на пути нашего познания, предложил известный английский философ и государственный деятель Фрэнсис Бэкон. В его знаменитых «идолах», «объектах суеверия», стоящих на пути познания прослеживается, по сути, весь путь философии, начиная с античности и до Нового времени. «Идолы рода» или природы человеческой — то, что не способен преодолеть человек в силу того, что он так физически, биологически устроен. «Он подобен искаженному зеркалу, которое воспринимает реальность только так, как устроены его органы чувств», — пишет Бэкон в своем «Новом Органоне».

Более глубокий объект с точки зрения феноменологического рассмотрения — это «идол пещеры». Здесь на ум приходит знаменитый платоновский образ пещеры, где узники, сидящие неподвижно из-за своих оков не в состоянии ничего видеть, кроме того, что у них находится перед глазами: каменный свод, на котором они наблюдают игру теней. Многие поднаторели, что называется, в этом наблюдении — и уверены, что могут даже прогнозировать, после какой тени возникнет другая тень. Но на самом деле данные тени — это не есть

Эрнст Людвиг Кирхнер. «Лежащая обнаженная перед зеркалом», 1910

реальность, это отражение реальных предметов в свете костра, который находится на выходе из пещеры. И даже если кто-то отбросит подобного рода «пещерные предрассудки», перейдет границу своей внутренней (психологической) или внешней (социальной) пещеры — он окажется в некоем незнакомом, совершенно неизведанном пространстве.

В этом пространстве, по мысли Платона, «он постигнет, что есть суть того, что видно реально». Но видно не взглядом, не глазами, а видно умозрительно. Правда, судьба этого провидца оказывается весьма печальной в этом мифе о пещере, изложенном в платоновском диалоге «Государство». Некий узник настолько прозрел, что ему открылась подлинная реальность — ему захотелось поделиться этим прозрением с теми, кто остался в пещере. Можно себе представить, как его встретили. Причем, хоть эта встреча была ожидаемой, она вызвала неприятие и неприятие у узников — и единственное, что осталось сделать «прозревшему» человеку, это засомневаться в собственном «прозрении»... В итоге он добровольно надел свои оковы и продолжил наблюдать игру теней. Вот такая печальная педагогическая миссия ждала этого человека.

Третий идол в понимании Фрэнсиса Бэкона — это «идолы площади, рынка». Это различного рода языковые ошибки, которые мы совершаем, когда пытаемся изложить свои мысли, чувства, переживания. «Язык мой — враг мой!» — и если мы не обладаем представлением о четких логических закономерностях мышления, если мы не умеем аргументировать — то, скорее всего, язык, который и без того очень мощно нагружен психологизмами — перестанет прояснять, а будет все дальше запутывать.

Жан Огюст Доминик Энгр. «Paolo et Francesca», 1844-1848

Напоследок — «идолы театра». То, что близко студенческий братии, тем, кто учился когда-либо. Знание о мире мы не получаем напрямую. Как правило, это результат рассказов, интерпретаций, переложений тех или иных авторитетных посредников. И в результате наше познание мира напоминает театр, в котором зрители наблюдают игру актеров — и на основании этого судят, чем является мир на самом деле. По мысли Фрэнсиса Бэкона преодоление этих идолов открывает человеку путь к подлинной реальности. Скорее всего, на расчистку дороги уйдет большая часть жизни. Но, как представлялось Бэкону, «то, что нам откроется после этого — чистый фундамент, на котором впоследствии мы сможем воздвигнуть здание своей философии. Это будет именно опытом нашего сознания, того, что можно назвать реальностью с большой буквы».

Завершая разговор о феноменологии, можно сделать вывод, что реальность всегда носит исчезающий характер. То, что мы когда-то установили, прочувствовали, то, что нам на эту подлинность намекнуло или дало ее отчасти понять — это впоследствии будет стерто повседневностью. Идолы сделают свою черную работу. И поэтому всякий раз онтологический вопрос, вопрос реальности будет возникать — в пространстве между тем, что мы называем картиной мира и теми смыслами, на коих эта картина покоится, и тем, что идет вглубь нас, дает ощущение нашего существования. Именно в этом пространстве, или как это говорил Хайдеггер, в «просвете бытия»

нам иногда как всполох молнии и удар грома может открыться маленькая, но очень яркая часть реальности.

По поводу повседневной жизни, в которую мы погружены, хочется сказать, что заблуждаются и те, кто думает, что принимает решение, и те, кто уверены в том, что самостоятельно моделируют реальность. По поводу первых скажу только то, что единственное решение, которое человек может сделать — это либо принять реальность, либо не принимать ее или делать вид, что не принимаешь. Но в таком случае получается, что человек сам-то ничего, естественно, не меняет: принятие реальности означает, по сути дела, «оставить все, как есть». Ну а что касается тех, кто якобы создает эту реальность различного рода механизмами — это все поверхностный уровень, это уровень не реальности, а симуляции, игры в реальность.

Да, люди склонны к этому, современная культура особенно склонна к симуляции. Люди не создают новую реальность, чтобы в ней жить, — а просто воздвигают для себя воздушные замки, красочные сны. К реальности они даже не приближаются. И различного рода социально-массовые явления и их организаторы в какой-то там политической, экономической или духовной сфере — как раз обеспечивают людям эти красочные сны наяву. Это индустрия иллюзий. Задача-то как раз не быть, что называется, хозяином этой пещеры, не разбираться в действиях теней — задача вырваться из этой пещеры, освободиться. Данная тема всегда будет актуальна. И, к сожалению, те люди, которые принимают в глазах обычных людей некие «судьбоносные решения», — они менее всего свободны в этом выборе.

Эрнст Людвиг Кирхнер. «Без названия»

Жан Огюст Доминик Энгр. «Эдип и Сфинкс» (1808)

Да, человек творит свою судьбу, естественно. Но дает ли он что творит? То, что мы совершаем многие действия, вовлеченные в те или иные обстоятельства, и чем активнее мы будем вовлечены в них, тем больше эти обстоятельства приобретут силу и власть над нами — с этим никто не спорит. Но хотим ли мы этого? Получается, что задача-то как раз и заключается в том, что если мы хотим знать, что есть реальность, что составляет глубинную основу того, в чем мы живем, — необходимо уйти от поверхности и погрузиться в глубину.

Единственный путь для этого открывает только наше сознание, наш духовный опыт. Другого пути нет. И получается так, что чем больше мы будем играть в эти игры с внешним миром, тем больше в нас будет укрепляться состояние «непреодолимости» тех границ и препятствий, с которыми мы будем сталкиваться на своем пути. Причем, данная иллюзия происходит из-за того, что мы постепенно отказываемся от установления собственных правил, по которым можем выстраивать собственную жизнь и поведение. Так что нам все больше и больше приходится играть по чужим правилам. Да, мы сотворим (точнее, натворим) очень многое, но сотворим безо всякого осознания того, что мы делаем.

И если происходят некие глубинные процессы, и мы чувствуем нарастание волны, которая все ближе и ближе к девятому валу — чувствуем, что оказались на гребне — ох, это захватывает... «Смотрите, я на вершине! Я властелин мира!» (Мое положение на этой вершине очевидно, но насколько я владею самой волной, оказавшись на ее гребне, или я просто ее слепая игрушка стихий — это большой вопрос). Так что и здесь нужно отходить от иллюзий реальности — и искать реальность

Эрнст Людвиг Кирхнер. «Великие любовники» (Мистер и мисс Hembus)»

там, где она действительно находится, проникая в свой внутренний мир.

Я считаю, что нет таких вызовов, которые бы не в состоянии человек преодолеть или откликнуться на них. Вызовы начинаются с самого момента его появления на Земле. Еще даже до рождения. По сути дела формирование человеческого организма, души — это и есть ответ на вызов (или призыв). Процесс будет запущен, если будут какие-то толчки извне, иначе ничего не свершится: программа рождения не заработает.

Сколько еще нужно человеку такого рода намеков, чтобы он, наконец, поверил, что он живет, что он существует, он имеет значение — и ничто не происходит просто так, и все зависит от его выбора, его представлений, о том, что он думает и чувствует. И по мере того, как это ощущение укрепляется в человеке, у него возникает убеждение, что весь его жизненный путь пройден именно так, как он и должен бы был. И все свершится. Это знаменитое «принятие мира» Фаустом, Эдипом, которые, испытав массу страданий и бедствий, в конце концов, поняли, что самое прекрасное — есть то, что находится рядом с ними, внутри них. То чувство. Да, это было последнее чувство их земного существования. Но это была именно та подлинная реальность, к которой они стремились всю жизнь.